

Вивать, трактиры!..
 Пожива будетъ еще вамъ,
 И погребки не опустѣли,
 Когда пріѣхалъ Саша къ намъ.
 Въ весельи буйственномъ съ друзьями
 Еще за пуншемъ онъ сидѣлъ,
 А разноцвѣтными огнями
 Кой-гдѣ Кремлевскій садъ горѣлъ...

ЭПИЛОГЪ.

Друзья, вотъ нѣсколько дѣяній
 Изъ жизни Саши моего...
 Быть-можетъ, градъ ругательствъ, брани
 Какъ дождь посыплютъ на него.
 И на меня, какъ корифея
 Его распутства и безчинствъ,
 Нагрянетъ, злобой пламенѣя,
 Какой-нибудь семинаристъ...
 Но я ихъ столько презираю,
 Что даже слушать не хочу,
 И что про Сашу вновь узнаю —
 Ей-ей ни въ чемъ не умолчу.

3. ДЕНЬ ВЪ МОСКВѢ.

(1829—31).

Я дома... Боже мой, насилу вижу свѣтъ!
 Мой милый, посмотри, въ умѣ я или нѣтъ?
 Не видишь-ли во мнѣ внезапной перемѣны?
 Похожъ-ли на себя? Съ какой ужасной сцены
 Сейчасъ я ускользнулъ!.. гдѣ былъ я, о Творецъ!
 Я мукой заслужилъ страдальческій вѣнецъ!..
 Нѣтъ, Сидоръ Карповичъ, покорнѣйшимъ слугою
 Прошу меня считать, но въ домъ къ вамъ ни ногою,
 Хотя-бъ вы умерли — не буду никогда.
 «Что сдѣлалось съ тобой?» — Бѣда, бѣда, бѣда!
 «Положимъ, что бѣда; но объяснись, какъ должно».
 — Нѣтъ силъ пересказать, наказанъ я безбожно.
 Послушай и суди: сегодня поутру
 Самъ чортъ меня занесъ къ mademoiselle Тру-тру,
 Извѣстной жирицѣ модъ, торгующей духами,
 Ликеромъ, шляпками и многими вещами,